

Особое внимание немецкие оккупационные власти уделили изъятию монет, содержащих драгоценные и цветные металлы. В обращении на белорусских землях первоначально находились советские, германские и польские монеты из золота, серебра, меди, никеля и иных сплавов. Монеты из драгметаллов сразу выпали из наличного оборота, а иные некоторое время использовались при реальных расчетах населения. Германские власти с 1940 года начали выпуск специально для оккупированных стран разменных монет из цинка номиналом в 1, 5, и 10 пфеннигов. Начиная с марта 1942 года оккупанты предпринимают меры к изъятию из оборота всех металлических денег, кроме монет из цинка.

Таким образом, рассмотрение валютно-финансовой, кредитно-денежной и налоговой политики немецких оккупационных властей в Беларуси позволяет сделать вывод о том, что эта политика была направлена на ограбление коренного населения и должна была способствовать утверждению фашистского «нового порядка» на белорусской земле.

1. Грузицкий Ю. Денежно-кредитная «политика» немецких оккупантов в Беларуси // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2003. – № 17-18. – С. 47-50.

2. Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ). Ф. 391. Оп. 1. Д. 41.

3. НА РБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154.

4. НА РБ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 17.

5. НА РБ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 301.

6. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 90.

7. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 3.

8. Орлов А. Оккупационные деньги в Беларуси // Банковский вестник. – 2003. – № 31. – С. 52-66.

9. Сенилов Б. Н. Военные деньги второй мировой войны. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 128 с. ил.

Пранник Т. А. (г. Минск, БГПУ им. М. Танка)

АВСТРИЙСКИЕ ЗЕМЛИ И ДВИЖЕНИЕ ЗА АНШЛЮС В 1920-1921 ГОДАХ

Вопрос аншлюса являлся одним из важнейших вопросов австрийской политики в 20-е годы XX столетия. Попытки его решения предпринимались неоднократно, особенно активно в первые годы существования Республики Австрия. Однако все официальные переговоры с Германией не достигли успеха, встретившись с активным сопротивлением стран Антанты.

По итогам Сен-Жерменского и Версальского мирного договоров Австрии было запрещено присоединение к Германии. Но именно из-за того, что страны-победительницы запретили аншлюс, он стал вдвойне привлекательным для населения обеих стран. Официально Австрия подчинилась решениям мирных договоров. Правительство Австрии вело себя очень осторожно, признавало запрет на аншлюс, что не нашло поддержки в провинциях, где к октябрю 1919 года началось новый виток выступления в пользу присоединения к Германии. А так как австрийское правительство не высказывалось по этому вопросу, то его политика была названа немецкой стороной как «двусмысленная». Специальный уполномоченный Бергер писал из Инсбрука в Берлин: «Сейчас в официальной политике защищается принцип независимости, но они держат нас под рукой, утверждая, что в Австрии по-прежнему хотят аншлюса несмотря ни на что. Они обманывают, таким образом, либо Антанту, либо нас. Если венское правительство обманывает нас, то мы должны сами укреплять свои позиции, оживить стремление к объединению в немецко-австрийском населении и поддерживать его до тех пор, пока не наступит подходящий момент и не появится более способное правительство, которое осуществит идею аншлюса. Стремление к аншлюсу может угаснуть. А так как австрийское правительство не может или не хочет сделать ничего, чтобы его поддержать, то мы должны сами позаботиться об этом. И в первую очередь мы должны проводить «земельную политику», т. е. агитацию в отдельных федеральных землях» [7; 140].

Безусловно, и австрийское и немецкое правительство не предпринимало активных действий, опасаясь реакции Антанты. Вильгельмштрассе рассчитывала обойти условия мирных договоров путем присоединения отдельных австрийских земель к Германии. Именно на этом сконцентрировалась немецкая политика в отношении Австрии до 1921 года. Первыми стали Тироль и Зальцбург. Но Высший совет Союзных и Объединенных Наций сразу наложил вето на попытки решения проблемы аншлюса таким путем. 16 декабря 1919 года они вынесли постановление "препятствовать любой попытке прямо или косвенно выступить против неприкосновенности австрийских областей, против договоренностей 88 статьи Сен-Жермена или против политической либо экономической свободы Австрии" [4; 106].

Однако движение в самих провинциях продолжало расти. Бавария стала активно развивать свои радикальные союзы в Австрии, такие как Огреш, Защитники границ Юга и др. На Востоке тоже создавались подобные союзы. 8 марта 1920 года Герман Хильтл основал в Вене так называемый "Фронт борьбы" – антисемитское, немецко-националистическое и антидемократическое объединение.

Если рассматривать движение за аншлюс в провинциях, особенно в Тироле и Зальцбурге, становится очевидным, что его мотивы совершенно иные, чем у движения, поднявшегося в Вене сразу после войны. Это были провинции с консервативным большинством, которые не имели ничего общего ни с венцами, ни с немецкими социалистами. В 1921 г. об аншлюсе под знаменем социализма уже почти не говорили: Германия не стала социалистической, а в Баварии Республика советов была лишь эпизодом; с тех пор главной идеей стала экономическая необходимость "объединения" с этой страной, а слова "аншлюс" стали избегать. В провинциях же хотели оторваться от "красной, наводненной евреями Вены". Там считали, что их ничто не связывает с этой "Республикой Австрией". Эти идеи очень ярко представлены в письме Рихарда Штайделя, влиятельного лидера тирольского хайматвера, бундесканцлера Мейеру от 25 мая 1921 г.: «Желание нашего народа состоит в том, чтобы, наконец, оторваться от ненавистной венской экономики, с которой люди не хотят иметь ничего общего. Эти настроения широко распространены в религиозных и национально-тирольских кругах, и я встречаю всё больше людей, которые разделяют подобную точку зрения». Штайдель заканчивает письмо словами: "Вообще-то, я не должен был говорить тебе всё это, но я сам не желаю ничего сильнее, чем чтобы это невозможное государство, наконец, развалилось, и Тироль освободился бы от Вены" [10; 109].

Однако позиция центральной власти была иной. Новый немецкий посол в Вене, Розенберг, сообщал 20 мая 1920 года о разговоре с госсекретарем Реннером, в котором тот выказал обеспокоенность сепаратизмом в альпийских провинциях: "Зальцбургцы поддерживают связь с определенными кругами в Виттельсбахе. Совсем недавно их представитель, который близок к правительству Зальцбурга, присутствовал на конфиденциальных переговорах в Баварии. В Верхней Австрии заметны такие же тенденции. Но аншлюс Австрии с Германией может быть проведен только целиком. Австрийское правительство уже объяснило, что в подходящее время оно обратится в Лигу Наций и подаст прошение об объединении всей Австрии с немецкой родиной. Преждевременный аншлюс отдельных земель приведет только к тому, что поставит немецких братьев в тех землях, которые не участвуют в аншлюсе, во вдвойне тяжелое положение. Этому австрийское правительство способствовать не хочет, и поэтому такие переговоры об аншлюсе отдельных земель не должны поощряться и со стороны Германии" [9; 91].

Вскоре Розенберг передал немецкому МИДу свое мнение по этому поводу. Он утверждал, что "достойным стремления может являться только присоединение ко всей Германии, а не только к Баварии. Инициатива обязательно должна исходить от Австрии, это не должно предоставить возможность говорить об аншлюсе, как об аннексии. Мы ни в коем случае не должны быть зачинателями этого процесса" [7; 24].

Таким образом, позиции центра не совпадали со стремлениями самих провинций. В Каринтии, Форальберге высказывались за присоединение. В Штирии было заявлено, что большин-

ство, по крайней мере, сельского населения, состоит в Хаймвере, который являлся ярким проводником данных идей. В Верхней Австрии практически все круги хотели аншлюса с Германией, все равно, в какой форме. В Нижней Австрии равным образом люди втягивались в Хаймвер, только Вена пока оставалась в стороне от этих процессов.

О положении в Австрии в начале октября 1920 года в Берлин докладывали: "Нужно учитывать тот важный психологический момент, что существующая в настоящее время в Австрии нужда является основной причиной стремления к аншлюсу с Германией, и что, по большому счету, как только дела в Австрии пойдут лучше, это стремление может упасть". Из этого сообщения видно, как хладнокровно анализировала немецкая сторона шансы осуществления аншлюса. А между строк можно увидеть и размышления о том, чтобы поддержать в Австрии искусственную нужду в осуществлении аншлюса.

И действительно, экономическая ситуация в стране была очень тяжелой. Существовала огромная инфляция. Вместо того, чтобы мобилизовать свои собственные средства, правительство оставалось пассивным и возложило все надежды на иностранные кредиты. Но иностранцы не хотели доверять свои капиталы стране, которая в себя не верила. Постоянно ухудшающееся экономическое положение имело обратное влияние на политику. Сомнение в жизнеспособности страны вело к идее присоединения к другим государствам. Снова заговорили о планах Дунайской федерации, т. е. аншлюс был запрещен.

1 октября 1920 года в Австрии была принята новая конституция. И хотя конституционные законы запрещали все постановления об аншлюсе, он играл большую роль в предвыборных программах всех партий, большую, чем в 1919 году. Наиболее радикально выражали свои взгляды немецко-националистические группировки. Примером может служить "Зальцбургская программа" Великогерманской народной партии, которая была принята в сентябре 1920 года: "Неизменной путеводной звездой нашей внешней политики является аншлюс Австрии с немецким государством... Унификация правовых, экономических и управленческих дел должна подготовить аншлюс и облегчить его" [5; 446].

10 сентября в предвыборном обращении христианских социалистов в Граце родился лозунг: "Цель и желание - возвращение в Германию!". Хотя именно в этой партии было большинство противников аншлюса, во главе с Зайпелем, Кунчаком и Фундером.

Социал-демократы также использовали все уже известные аргументы, чтобы представить себя как партию, которая до сих пор наиболее интенсивно боролась за аншлюс. Всё это выглядело так, что выборы в Национальное собрание были вотумом австрийского населения в вопросе аншлюса.

Победу на выборах одержали христианские социалисты, и это в определенной степени означало отказ от слишком форсированной политики аншлюса.

В 1920-21 гг. общая ситуация вокруг аншлюса характеризуется следующим.

- Официальные немецкие политики из интернациональных соображений твердо придерживаются своей линии поддерживать аншлюс, но оставить эту инициативу целиком на австрийцев. В тот же период возникает политика присоединения отдельных австрийских земель.

- Баварцы вели переговоры с отдельными австрийскими провинциями, целью которых было создание южно-немецкого центра обороны против марксизма путем присоединения Австрии.

- Австрийское правительство под руководством Майера было сдержано в вопросе об аншлюсе, чтобы не подвергать опасности получение ожидаемого кредита Лиги Наций. Но в западных и южных провинциях аншлюс-эйфория достигла в этот период своей высшей точки.

- Союзные силы были обозлены неспособностью австрийского правительства препятствовать пропаганде аншлюса.

В конце 1920 года Др. Хайм выдвинул идею создания большого католического государства Южная Германия, в которое должны были войти Тироль, Зальцбург и Верхняя

Австрия. Несмотря на официальную немецкую политику в конце 1920 года в Мюнхене и других городах Баварии прошли крупные выступления в пользу аншлюса при участии Огреш. В 1921 году произошли крупные выступления студентов [9; 98].

В конце января 1921 года, после того, как переговоры Германии по вопросам репараций закончились неудачей, немецкое отношение к вопросу об аншлюсе диктовалось крайней осторожностью. Министр иностранных дел Симон настаивал немецких дипломатов: "Пожалуйста, тщательно избегайте видимости того, что мы осуществляем аншлюс. Аншлюс не может быть запрещен по причине права на самоопределение. Но желание аншлюса должно исходить, по внутри- и внешнеполитическим причинам, от Австрии. Он является нашей целью и соответствует нашим интересам, но для этого мы должны поддерживать его активной пропагандой. Уже этим мы будем противостоять решениям мирной конференции. С другой стороны, мы также хотим избежать того, чтобы занимать позицию против движения за аншлюс и тем самым оттолкнуть сторонников аншлюса в Австрии" [7; 38-39]. Этими словами может быть метко охарактеризована дальнейшая официальная политика Германии по данному вопросу.

Что касается Австрии, то ухудшение экономической ситуации и недовольство политической центральной правительства вело к росту движения за аншлюс в провинциях. Ещё 1 апреля 1920 года в Вену ездила делегация Тирольского правительства для передачи представителям Антанты требования об экономическом слиянии с Германией. Представитель Великогерманской партии Стаффнер предложил провести референдум по вопросу присоединения к Германии. Но американские и британские представители отказались принять делегацию [2]. Когда рейхсканцлер Майер, принимая во внимание кредитную помощь Лиги Наций, отказался провести этот референдум в масштабах всей страны, Тироль, Зальцбург, Штирия продолжали на нем настаивать. А затем объявили, что сами проведут референдум, т. к. федеральное правительство ограничено в свободе действий. 11 марта 1921 года ландтаг Зальцбурга постановил, вслед за Тиролем, провести референдум по вопросу присоединения этой земли к Германии.

Однако это вызвало серьезное беспокойство со стороны Антанты, и прежде всего Франции, которая боялась усиления Германии. 14 апреля 1921 года французский поверенный в делах в Австрии заявил австрийскому канцлеру Мейеру: "В случае, если австрийское правительство не будет в состоянии парализовать существующие в Австрии интриги по её присоединению к Германской империи, французское правительство прекратит помощь Австрии" [1; 15]. Центральное правительство и правительства земель заявили протест. В Вене прошли демонстрации протеста перед французским посольством.

Первый референдум, проведенный в Тироле 24 апреля 1921 года, оказался успешным, несмотря на отрицательное отношение федерального правительства. При голосовании 9/10 населения проголосовало за аншлюс (145 302 голоса "за" и 1 805 – "против"). А вскоре были разобраны пограничные столбы возле Куфштайна и Шарница, а позднее и у Зальцбурга. Во Франции это сразу вызвало волну протеста. Французская пресса снова писала, что "если аншлюс будет достигнут, то Германия выиграет войну уже после её окончания" [6].

Австрийский посол во Франции Айшхов 29 апреля 1921 года отправил в Вену депешу, в которой писал, что Франция взбешена и что правительство должно прекратить это движение, иначе Австрия не получит никакой помощи и получит проблемы с репарациями. После этого 3 мая 1921 года австрийский бундесканцлер уведомил немецкого посла, что если и дальше потакает плебесцитам, то кредиты Лиги Наций будут под угрозой, а югославы грозят вторжением в Каринтию. Антанта же придерживается мнения, что все это движение за аншлюс инсценировано из Берлина [7; 44]. После этого отрицательное отношение к референдумам высказывали и в Германии. Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Хаймхаузен заявил, что плебисциты в отдельных провинциях Австрии были политической ошибкой. Он высказался за то, что их нельзя

поддерживать, т. к. выгода небольшая, а это восстановит против Германии все заинтересованные страны (воспримут этот шаг как попытку аннексии) [3; 298].

Однако, несмотря на эти заявления, в Зальцбурге прошел референдум с теми же результатами, что и в Штирии: 98 546 человек высказались "за" и только 877 – "против". Кабинет Майера ушел в отставку.

Антанта была настолько недовольна событиями в Австрии, что существовала даже угроза её раздела. Французский дипломат Перетти объяснял, что "в настоящий момент, т. к. в Тироле и Штирии началось движение за референдум о присоединении этих частей Австрии, то югославское правительство сделало предложение разделить Австрию. При этом Штирия должна была отойти к Югославии, Вена и Нижняя Австрия – к Чехословакии, Тироль переходил бы к Италии, а Верхняя Австрия с Зальцбургом – к Баварии [9; 104]. В самой Австрии центральное правительство оценило угрозу и сделало все возможное, чтобы исправить ситуацию. В конце концов, под его давлением Штирия отказалась от проведения народного референдума. Движение за аншлюс впоследствии потеряло динамику и реальность его осуществления стала очень низкой. "Борьба за аншлюс на данный момент проиграна", – так комментировали происходящее в Германии [8; 29f].

1. Аврамов К. П. Это не повторится. Из истории захвата Австрии гитлеровской Германией в 1938 г. - М., 1961.
2. Известия. 25 марта 1920.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Ser. A. 1918-1925. Band VI. Göttingen, 1988.
4. Benoist-Mechin J. Griff ueber die Grenzen 1938. Oldenburg-Hamburg, 1966.
5. Brechtold K. Oesterreichische Parteiprogramme 1868-1966. Wien, 1967.
6. Neue Freie Presse. 27 April 1921.
7. Preradovich N. Die Wilhelmstraße und der Anschluss Oesterreiches 1918-1933. Bern-Frankfurt, 1971.
8. Ruehle G. Das Grossdeutsche Reich. Die Oesterreichischen Kaempffahre 1918-1938. Berlin, 1940.
9. Schausberger N. Der Griff nach Oesterreich. Der Anschluss. Muenchen, 1978.
10. Steiniger R. 12 November 1918 bis 13 März 1938: Stationen auf dem Weg zum "Anschluss" // Österreich im 20. Jahrhundert. Bd. 1. Wien, 1997.

Marcin Szczepański
(Białystok Politechnika Białostocka Wydział Zarządzania)

POLSKO-NIEMIECKIE POROZUMIENIA DELIMITUJĄCE ROZGRANICZENIE OBSZARÓW MORSKICH W ZATOCE POMORSKIEJ

Porozumienia zawierane między państwami jako suwerennymi jednostkami geopolitycznymi są podstawowym przejawem aktywności politycznej państwa na arenie międzynarodowej. Umowy międzynarodowe są jednym z podstawowych źródeł prawa międzynarodowego. W artykule analizuję historię porozumień w kwestii delimitacji obszarów morskich Zatoki Pomorskiej w okresie powojennym.

Porty ujścia Odry znalazły się w granicach Polski a mocy postanowień układu poczdamskiego z sierpnia 1945 r. Traktat ten określał powojenną zachodnią granicę państwa polskiego, jego postanowienia wymagały jednak doprecyzowania. Dodatkowo porozumienia dotyczące wspomnianej granicy Polska zawarła w latach 1945-51, najpierw z władzami radzieckiej strefy okupacyjnej Niemiec, a następnie państwem wschodnioniemieckim. Obradująca we wrześniu 1945r. polsko-radziecka komisja graniczna uznała się za niekompetentną do decydowania o morskim odcinku granicy [21, 338-339]. Ograniczono się wówczas do określenia przebiegu granicy w jej lądowym odcinku [22, 87].